

Р.Г. Жамсаранова

РОДОВОЙ СОСТАВ ТУНГУСОВ УРУЛЬГИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ

Рассматривается этноязыковая принадлежность Урульгинской степной думы под началом князя Гантимура. С опорой на ряд архивных документов Государственного архива Забайкальского края описана история Урульгинской думы. Посредством приведенных впервые некоторых документов Урульгинской степной думы принята попытка определения численно-родового состава тунгусского населения Нерчинского уезда. Анализ документальных фактов позволяет утверждать о этноязыковой неоднородности и сложности родового состава тунгусов Нерчинского уезда. Представлено примерное число родовых сообществ тунгусов Урульгинской думы по разным годам и ревизиям.

Ключевые слова: Урульгинская степная дума, тунгусы Гантимура, бродячие тунгусы, кочевые и оседлые тунгусы, число родов тунгусов.

Изучение документов Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), особенно дел тех фондов, которые содержат разного рода информацию о тунгусах Урульгинской степной думы, позволяет определить число родовых сообществ нерчинских тунгусов. В данной статье затронуто несколько аспектов тунгусского населения Нерчинского уезда по документам ГАЗК. Первым вопросом является предварительное определение прошлой этноязыковой принадлежности нерчинских тунгусов. Тунгусы Нерчинска представляют собой неизученное явление и с позиций истории, и с точки зрения антропологии и, естественно, языка. Поэтому введение в научный оборот архивных документов ГАЗК о тунгусах и их родовом составе вносит определенный вклад в разрешение данного вопроса.

По архивным документам известно, что тунгусское население Урульгинской думы делилось в начале XVIII в. на 43 рода, но к началу XIX столетия оно вообще исчезло вследствие процесса планомерного обращения тунгусов в православие путем крещения. Историк-исследователь Т.Б. Уварова в монографии «Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках» пишет, что «в XX в. каких-либо значительных перемещений коренного населения в Даурии не происходило, не отмечено здесь также событий, которые могли бы вызвать резкое сокращение численности жителей этих мест. Однако эвенкийское население “внезапно исчезло”» [1. С. 36].

Об этноязыковой неоднородности «тунгусского» населения Нерчинска можно судить и с позиций топонимики Забайкалья, обусловленной наличием разноразличных стратиграфических пластов – древнетюркского, палеоазиатского, самодоязычного, обско-угорского, тунгусо-маньчжурского, монголоязычного и русского [2. С. 16]. Отметим, что в историко-этнографической литературе под этнонимом *тунгус* подразумевается обычно этноним *эвенк* / *эвен*, тогда как мы в своих работах понимаем под этими названиями разные в этноязыковом отношении народы / народности. *Тунгус* – это соционим, нежели этноним, объединяющий разноразличные племена и народности исторического прошлого края. В.А. Туголуков, описывая прибайкальских

эвенков (тунгусов), отмечает их ассимиляцию как в среде западных бурят, так и среди русского населения [3. С. 20–22]. Б.О. Долгих, В.А. Туголуков указывали на то, что тунгусы (под которыми подразумевали иногда эвенков) обитали чересполосно с другими народами, близкими им по хозяйственно-бытовому укладу, такими как остяки (селькупы), ненцы, ханты и манси, энцы, нганасаны, сибирские татары.

Известно, что это общее название всех «инородцев», под которым у разных исследователей подразумевались почти все сибирские племена, стало использоваться русскими с XVI в. В архивных документах встречаются названия типа «тунгус» и «тонгуска», тогда как именование «инородец» или «инородка» применялось по отношению к бурятам, отделившимся позже, в 1839 г., в отдельную Агинскую степную думу. Более подробное описание документов ГАЗК о тунгусах Урульгинской степной думы восполнит некую лауну в определении их численно-родового состава, а также прояснит вопрос «исчезновения» так называемого эвенкийского населения Нерчинска к XIX в., точнее, очевидного его уменьшения в численном отношении.

Наряду с названием «тунгусы» в исторических анналах население описываемой территории прежде было известно под именем «дауры». Даурия, более известная по «Отпискам» первых русских как Даурская земля, представляет собой историко-географический регион в пределах современных Республики Бурятия, Забайкальского края и Амурской области. О народе под общим именованием «дауры», который населял регион до середины XVII в., впервые стало известно русским после экспедиции Еналея Бахтеярова в 1640 г. В Забайкалье от этого народа «остались» топонимы – ст. Даурия, Даурский хребет, а также многие другие топонимические названия, которые объясняются только из даурского языка.

В «Отписках» русских казаков, в частности в донесении Максима Перфильева, написано, что, следуя в 1639 и 1640 гг. вверх по Витиму и притоку его Ципиру, он узнал от тамошних тунгусов, что по верхнему Витиму,

начиная со впадения в него р. Карги до оз. Еравны, равно как и по Шилке до ее устья (т.е. по верхнему Амуру до Сунгари), живет народ «дауры». Четыре года спустя, во время похода Пояркова на Амур, произошла первая встреча с даурами на реке Зее. М.П. Алексеев пишет, что согласно донесениям Пояркова даурские поселения встречались у устья р. Умлекан (левый приток р. Зеи) до устья р. Зеи, вверх по Амуру, по Аргуни и Шилке, и в другую сторону, вниз по Амуру, почти до устья Буреи. Даурских городков, судя по донесениям казаков, было немало, некоторые из них имели значительное население в 500–1 000 человек, как, например, Гогударов городок. Из-за набегов русских казаков на эти городки жители их частью были истреблены, часть переселилась на территорию Маньчжурии, на берега р. Нонни.

М.П. Алексеев, ссылаясь на мнение А.Ю. Назарова, комментирует слова Доббина о том, что «на реке Даурской живут дауры», как указание на местожительство их по среднему течению р. Амур, впоследствии ими измененное, благодаря усилению русского влияния и отчасти благодаря колонизационной политике Цинской династии китайской империи [4]. По «прозванию» дауров в «Отписках» служивого казака Петра Бекетова новые земли за Байкалом получили название земли Даурской или, как отписывали царю Алексею Михайловичу, «в Дауры» [5. С. 67], известной под названием «Даурия».

Известно, что «слухи о богатствах даурской земли побудили якутского воеводу Петра Петровича Головина послать в 1643 г. отряд из 133 казаков с пушкой под началом Василия Даниловича Пояркова. Пояркову были выданы судовой инструмент, парусина, боеприпасы, пищали, медные котлы, тазы, сукно и бисер для подарков местным жителям. Целью похода были сбор ясака (дани), поиски серебра, меди и свинца.

Поярков за три года похода, сопровождавшиеся бесчинствами среди местного населения, собрал ценные сведения о народах, живущих по Амуру. Дело, начатое Поярковым, продолжил Ерофей Павлович Хабаров. Прослышав о приближении нового отряда казаков, дауры оставляли селения и уходили. Казаки находили брошенные селения в сотни домов и большие хлебные запасы. В результате похода русских землепроходцев весь левый берег Амура опустел: спасаясь от произвола, все дауры переселились на правый берег Амура под защиту маньчжурских властей» [6. С. 442–451].

Действительно, среди современного населения пограничной Забайкальи Маньчжурии находятся представители народности дауров, которые относят себя к этническим даурам, тогда как среди современных хори-бурят или эвенков севера Забайкалья уже нельзя найти людей, причисляющих себя к потомкам дауров XVI–XVII вв. Можно также утверждать, что, согласно первым «Отпискам», население Нерчинского уезда именовалось даурами, тогда как в документах ГАЗК это же население записано как тунгусы и инородцы. На основании данного наблюдения можно сделать предварительный вывод о необходимости тщательного анализа родового состава тунгусов Урульги, Нерчинска.

В географическом отношении различают несколько территорий: Байкальскую Даурию (территория от оз. Байкал до Яблонового хребта), Витимо-Олёкминскую Даурию (бассейн рек Витим и Олёкма – северная часть Забайкальского края, запад Амурской области), Селенгинскую Даурию (бассейн р. Селенги – юг Бурятии, юго-запад Забайкальского края) и Нерчинскую Даурию – территории к востоку от Яблонового хребта (юго-восточная часть Забайкальского края).

Исходя из этого факта, очевидно, что под соционимом (или политонимом) «дауры» были известны многие племена, обитавшие на этих бескрайних просторах не только Циркумбайкалья, но и всей Северной Азии.

Нерчинскую Даурию населяли разные племена и народы, часть которых под именованием «тунгусы» позже объединилась в Урульгинскую степную думу, а инородцы-буряты – в Агинскую степную думу, выделившуюся из Хоринской степной думы в 1839 г. Вероятно, что историографии так и остались неизвестными многие именованья родов или более мелких племенных объединений, так как население Даурии ко времени присоединения к России представляло собой достаточно пестрое в этноязыковом отношении сообщество.

Б.Д. Цыбенков предлагает выделять три этнотерриториальные группы дауров, среди которых группа Лавкая [7. С. 241] занимала примерно именно ту территорию, которая позже стала именоваться Нерчинским уездом. Исследование даурских генонимов и патронимов (подродовых названий), мест их обитания в результате полевого сбора материала, позволило Б.Д. Цыбенкову сделать заключение, что «предварительное изучение местообитания дауров в XVII в. выявляет обширную территорию – от восточной части современной Республики Бурятия до границы Амурской области с Хабаровским краем, от южной части Республики Саха до приамурских районов провинции Хэйлунцзян» [Там же. С. 245].

Таким образом, территориально Даурия и составляла прежде именно тот ареал обитания, который позже, уже в составе Российской империи, именовался Нерчинским уездом, куда, в свою очередь, входила Урульгинская степная дума. Поэтому под тунгусами Нерчинского уезда можно понимать насельников исторической Даурии, которые в своем недалеком историческом прошлом «прозывались» и никанами – обитателями загадочного Гоу-Го или «никанского царства», и даурами, которых относят к ветви монголоязычных номадов, этноязыковое происхождение которых неоднозначно и требует дальнейших исследований.

Подтверждением этого тезиса, по-видимому, является текст документа «Дополнительные сведения для составления военно-статистического описания Нерчинского округа Иркутской губернии (1850–1852 гг.)» [8].

«Все вообще Урульгинское ведомство состоит из тунгусов, из коих значительная часть постепенно приняла православие и проживает в селениях. Занимаясь свойственным крестьянам занятием (сохраняя между тем и прежние свойства зверопромышленности), идолопоклонники проводят жизнь кочевую. Занимаясь

исключительно скотоводством и зверопромышленностью и во всякое время года кочуют по разным отведенным им местам с юртами и стадами приискивая для скотоводства удобные пастбища... происхождения манджурского, но письмо имеют монгольское. Они в образе жизни просты, гостеприимны, друг к другу сострадательны, к Начальнику имеют без преданную покорность. В порок им ставят суеверие ... они веряются, безусловно, шаманству» [8. Л. 114].

В этом описании тунгусского населения Урульгинского ведомства можно усмотреть ряд схожих черт с даурами, маньчжурами, монголами и бурятами. Наличие кочевого, скотоводческого типа хозяйства – во-первых, во-вторых, наличие одинаковой с монголами, бурятами «шаманской» веры, в-третьих, культурная общность с маньчжурами и монголами – владение «монгольским письмом», являются теми скрепами, которыми были связаны между собой разные в этноязыковом отношении части населения исторической Даурии в дорусский период.

Однако при этом оговаривается, что эта часть населения занимается и звероловством, что сближает их с другими сибирскими народами. Нет сведений о занятии оленеводством, что воспринимается как досадное упущение, если под тунгусами Нерчинска подразумевать только эвенков. Поэтому очевидно, что к 1852 г. большая часть всего тунгусского населения Урульги, оставаясь охотниками и скотоводами, не занималась оленеводством как традиционным видом эвенкийского быта и к тому же, будучи приведенной в православие, стала жить почти оседло, т.е. в селениях. Возможен вывод, что тунгусы, по всей видимости, и раньше не занимались разведением оленей, если так скоро смогли отойти от этого типа хозяйствования.

Однако еще ранее, до обращения их в православие и учреждения Степной думы, когда тунгусы должны были продолжать беспрекословно подчиняться своему родоначальнику Гантимуру, по-новому – князю Гантимуру, они являли собой совершенно иную по своему этническому, а значит, и языковому составу и происхождению часть тунгусского населения Даурии.

В приведенном выше описании тунгусского населения Урульгинского ведомства прямо указывается на то, что в среде тунгусов присутствуют и маньчжурско-монгольские этнические компоненты. Очевидно, что именно эта часть тунгусов и было именована в «Указе об управлении инородцами» [9. Л. 1251] как та часть инородцев, которая «несовершенно зависит от Правительства», т.е. которая могла в любой момент покинуть пределы государства и перейти на соседние территории – Маньчжурию или Монголию. К таковым, по-видимому, возможно отнести «конных тунгусов» в силу их мобильности по причине коневодства.

Исследователями Б.О. Долгих, Г.М. Василевич, В.А. Туголуковым и другими в среде нерчинских тунгусов выделялась отдельная часть, так называемые «конные тунгусы» [10–12]. Эта часть народонаселения Нерчинска – тунгусы с кочевым образом жизни, славившиеся коневодством, – была отлична от другой, довольно немногочисленной части – оленных тунгусов, или ороchon. Предположительно именно последние,

будучи по своему этногенезу и языку народностями тунгусо-маньчжурской языковой семьи, т.е. эвенами и эвенками, и определили этноязыковой «облик» «нерчинских тунгусов» в отечественной историографии. Поэтому естественно возникает вопрос об этнической и языковой принадлежности конных тунгусов. Заметим, что под конными тунгусами нельзя понимать хори-бурят, которые также занимались коневодством, как писал об этом Ц.Б. Цыдендамбаев [13].

Однако ради справедливости следует отметить наличие так называемого «тунгусского» компонента в этнической среде агинской группы хори-бурят. Этот этнический компонент до недавнего времени признавался инородным в среде бурят и назывался хамниганами. Действительно, в селах Гунэй и Токчин Дульдургинского района бывшего Агинского Бурятского автономного округа проживают буряты, предков которых относят к тунгусам-хамниганам [14, 15]. Мы полагаем, что этими тунгусами-хамниганами могли быть те тунгусы, которые относились к Тукчинскому, Гуновскому родам Урульгинской степной думы, что позволило сопоставить этноним *самогед* и экзоним *хамниган* общим языковым происхождением [16]. Именно Кужертаевская и Онгоцонская инородные управы Урульгинской степной думы, в ведении которых и состояли вышеупомянутые роды тунгусов, по архивным документам, «ведали землями» Приононьи и приграничными с Монголией территориями современного Забайкалья. Заметим, что ойконимы Гунэй и Токчин – это этнотопонимы, и образованы они от родовых названий Тукчинский и Гуновский. Таким образом, более детальное изучение родового состава тунгусов Нерчинска позволит внести большую ясность в вопрос как определения этноязыкового состава, так и их хозяйственной деятельности. Очевидна неоднозначность восприятия (а значит, и отнесения) тунгусов Гантимура как только эвенков, исходя из фактов наличия экзонима *хамниган*, соционимов *даур* или *тунгус* и территорий, занимаемых ими согласно историографии.

Второй вопрос – это вопрос об истории Урульгинской степной думы как административной единицы управления инородцами Сибири.

Центром Восточного Забайкалья в начале XVII в., во время появления государственности в крае, принято считать Нерчинский (Даурский) уезд, образованный в 1656 г. Первым острогом на территории Восточного Забайкалья был Иргенский острог (1653). Население Нерчинского уезда к концу XVII в. состояло из нерчинских тунгусов, телембинских и «ярапинских» (еравинских. – *Р.Ж.*) тунгусов, аргунских тунгусов и «инородцев»-бурят.

Согласно «Уставу об управлении инородцами» М.М. Сперанского, в 1824–1825 гг. в Сибири было учреждено 18 степных дум, включая 12 степных дум у западных и восточных бурят, 1 степную думу у тунгусского населения – Урульгинскую. Первоначально Урульгинская степная дума была учреждена в составе Нерчинского округа Иркутской губернии, но с 1851 г., в связи с образованием Забайкальской области, стала относиться к последней. После 1901 г., в связи с упразднением системы управления инородцами, Урульгинская

степная дума, как и остальные степные думы, была ликвидирована [17. С. 205].

Заметим, что если документы по Баргузинской степной думе исследованы достаточно полно и основательно [18], то Урульгинская степная дума почти не изучена, за исключением ряда научных статей и тезисов.

В целях описания Урульгинской степной думы приведем полностью текст Предисловия, составленного архивистом 2-й категории Т.С. Ивановой, к описи фонда 55 «Урульгинская степная дума».

«В Забайкалье в начале XX в. проживало около 193 000 человек малых народностей. Доминирующая по количеству группа малых народностей – буряты. Эвенков (тунгусов), якутов, орочен было сравнительно немного (Памятная книжка Забайкальской области на 1912 г., отд. 2, с. 45, 46). Эти малые народности по степени их образования и образу жизни подразделялись на три группы: оседлые, кочевые, бродячие. К оседлым эвенкам (тунгусам. – *Р.Ж.*)¹ и бурятам относились те, которые имели постоянную оседлость, жили деревнями, вели хлебопашество. К кочевым относились те, которые не жили деревнями и меняли место жительства в зависимости от времени года. Бродячие буряты и эвенки (тунгусы. – *Р.Ж.*) не имели никакой оседлости, переходили с одного места на другое. Они ходили по лесам, близ рек, занимались звероловством и рыболовством отдельными родами или семействами. При распределении бурят и эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*) на группы запрещалось включать в разряд оседлых тех, которые, хотя и жили постоянно в построенных шалашах и землянках, по образу жизни и промыслу были кочевыми.

22 июня 1822 г. был учрежден Устав об управлении малыми народностями Сибирской губернии, в состав которой входило и Забайкалье. Согласно этому уставу система управления малыми народностями Забайкалья имела следующие звенья: степная дума, инородная управа, родовое управление. Степная дума являлась промежуточным звеном между инородной управой и окружным начальником. Буряты и эвенки (тунгусы. – *Р.Ж.*) тех далеких времен жили родами. Многие роды, соединяясь в одну общую зависимость, образовывали степную думу.

На территории Забайкалья были сформированы следующие степные думы: Баргузинская, Агинская, Кударинская, Хоринская, Урульгинская (ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 13, л. 1)². Урульгинская степная дума вошла в состав Нерчинского округа Иркутской губернии Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1851 г. на территории Восточно-Сибирского генерал-губернаторства была создана новая административно-территориальная единица – Забайкальская область. Нерчинский округ вошел в ее состав.

С 1871 г. образуется Читинский округ, и территория Урульгинской степной думы попадает в его черту. В 1887 г. Забайкальская область, согласно административно-территориальному делению, входит в состав Иркутского генерал-губернаторства, с 1829 г. – Приамурского, с 1901 г. вновь в состав Иркутского генерал-губернаторства. Соответственно этому менялась и

административная подчиненность Урульгинской степной думы.

Степная дума состояла из главного родоначальника, избранных заседателей, число которых зависело от принятого обычая или от надобности, голов инородных управ, которые являлись членами степной думы. Состав ее утверждался губернатором.

Урульгинскую степную думу возглавлял князь Николай Петрович Гантимуров. Все дела степная дума производила письменно и имела своих письмоводителей – двоих. Письмоводители не имели права голоса при обсуждении вопросов.

Урульгинская степная дума представляла собой общественное собрание и ведала одними хозяйственными вопросами. На степную думу возлагались следующие функции: «перепись населения, раскладка сборов, правильный учет всех сумм и имуществ, распределение земледелия и народной промышленности, ходатайства у высшего начальства о пользах родовой». Урульгинская степная дума исполняла свои функции посредством голов инородных управ. Подчинялась Нерчинскому окружному управлению с 1851 г., с 1871 г. – Читинскому окружному управлению, с 1901 г. – Читинскому уездному управлению.

Члены степной думы могли быть отстранены от своих должностей по приказу губернатора. Причины отстранения были следующие: уголовное преступление, злоупотребление властью, которое было доказано судом, просьба подведомственных родовичей, долги, если должник имел только одно средство к их оплате – поступление на работу. При этом уволенный не лишался права быть избранным на следующий год. Письмоводителей могла принимать на работу и увольнять сама степная дума.

Урульгинская степная дума как общественное собрание исполняла хозяйственные функции и действовала подобно городской думе. Без точного назначения степная дума не могла предписать никакой сбор податей и повинностей с бурят и эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*). В свою очередь, степная дума не назначала никакого сбора без точного предписания от правительства. Все внутренние расходы по степной думе регистрировались в специальной книге записи. По окончании года степной думой составлялся отчет о расходовании денежных сумм, и о произведенных за год расходах уведомлялись родовые управления.

Урульгинская степная дума следила за тем, чтобы вверенные ей буряты и эвенки (тунгусы. – *Р.Ж.*) не нуждались в продовольствии, чтобы они имели хороший промысел и сбыт своих товаров. Дума заключала контракты о поставке белки, соболей, о найме бурят и эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*) на перевозку тяжестей, предварительно оговорив условия с родовыми управлениями через голов.

Дума четко следила за сбором податей. Это были следующие сборы:

- 1) подать (именуемая ясаком), поступающая в Кабинет императора;
- 2) земская повинность;
- 3) повинность (внутренняя) на содержание степного управления.

Сборы на внутренние повинности определялись самой думой. Прибавка к ним разрешалась только по новому положению думы (Свод законов Российской империи, издание 1857 г., книга 7, раздел I, с. 5–12).

По Уставу 1822 г. в ведение Урульгинской степной думы вошло 6 инородных управ: Урульгинская, Оловская, Шундуинская, Маньковская, Кужертаевская, Онгоцонская (ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 146, л. 6). Позже была образована Улдургинская инородная управа.

Инородная управа состояла из головы, двух выборных и письмоводителя. Родовые управления получали свое звание наследственно или выборно. Выборные и письмоводители назначались всегда по выбору родовичей (членов родовых управ) на определенное или неопределенное время. Начальник инородных управлений и члены инородных управ утверждались губернатором.

Инородные управы Урульгинской степной думы несли функции:

А) по полиции: 1) обнаружение и исполнение всех предписаний начальства; 2) меры предупреждения против повальных болезней и падежа скота; 3) противопожарные меры; 4) сведения о происшествиях.

Б) по хозяйству: 1) раскладка ясака и повинностей, сбор и взнос их в Казначейство, сбор недоимок; 2) развитие хлебопашества; 3) содержание хлебных (экономических) магазинов; 4) попечение о продовольствии хлебом и солью; 5) составление ведомостей по различным вопросам.

В) по суду: 1) исполнение определения высших властей по делам гражданским и уголовным; 2) суд по незначительным нарушениям закона и взыскания по особому положению.

Инородные управы объединяли родовые управления бурят и эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*). Подавляющее большинство тунгусов и бурят Урульгинской степной думы относилось к разряду кочевых и бродячих. Каждое стойбище или улус, в котором было не менее 15 семейств, образовывало свое родовое управление. Если в стойбище или улусе было менее 15 семейств, то оно причислялось к близлежащему родовому управлению.

Родовое управление состояло из старосты и одного или двух его помощников. Староста управления избирался. В некоторых родах это звание, согласно обычаям рода, было наследственным. Помощники старосты назначались всегда по выбору членов рода на определенное или неопределенное время. Стойбищу присваивалось определенное название, или оно называлось именем первого старосты. Родовые управления все свои дела вели словесно (Свод законов Российской империи, издание 1857 г., книга 7, раздел I, с. 1–4).

В ведение Урульгинской степной думы входило 7 родовых управ.

Губернатор обязан был лично или через доверенного чиновника по его выбору один раз в два года посещать стойбища бурят и эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*) Урульгинской степной думы, подробно входить в их дела, обращать внимание на их жалобы и нужды.

В 1901 г. округа были заменены уездами (ГАЧО, ф. 23, оп. 2, д. 656, л. 118). Урульгинская степная дума

вошла в состав Читинского уезда. 23 апреля 1901 г. Государственным Советом было утверждено временное положение об устройстве общественного управления и суда малых народностей Забайкальской области, согласно которому это население разделялось на волости и сельские общества. Каждая волость состояла из нескольких сельских общин (ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 38, л. 5).

Согласно журналу № 192 Забайкальской области по крестьянским делам присутствия от 30 сентября 1902 г. реорганизация общественного управления и суда у бурят и эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*) Читинского уезда Урульгинской степной думы должна была произойти следующим образом. Территориально ведомство Урульгинской степной думы образовывало волости с сельскими обществами:

1. Урульгинская инородная управа образовывала Урульгинскую волость с волостным правлением в селе Князе-Урульга. В волостное правление вошли сельские общества: Урульгинское, Верхне-Талачинское, Байцетуевское, Берейское, Бургенское.

2. Оловская инородная управа образовывала Зюльзенскую волость с волостным правлением в селе Зюльзинском. Волость включала сельские общества: Зюльзинское, Илимское, Кокуйское, Цагакшинское, Наринзорское.

3. Маньковская инородная управа образовывала Маньковскую волость с правлением в селе Маньковском. Сельские общества: Маньковское, Кутугуйское, Акурайское, Олдондинское, Нижне-Гирюнинское, Барунь-Кондуевское.

4. Шундуинская инородная управа образовывала Шундуинскую волость. Волостное правление в селе Шундуинском объединяло сельские общества: Шундуинское, Шивиинское, Усть-Караксарское, Хара-Быркинское, Больше-Соктуевское, Быркинское, Эдартуйское.

5. Улдургинская инородная управа образовывала Улдургинское отдельное сельское общество.

6. Кужертаевская инородная управа образовывала Кужертаевскую волость. Волостное управление в селении Кужертаевском объединяло сельские общества Тулутаевское, Кужертаевское.

7. Онгоцонская инородная управа образовывала Онгоцонскую волость с волостным правлением в селении Бырцинском, объединяла сельские общества: Тарбальджейское, Бырцинское (ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 38, л. 32–33).

По приказу № 1 военного губернатора Забайкальской области от 5 января 1903 г. с 1 января 1903 г. у тунгусов Урульгинской, Шундуинской и Оловской инородных управ Урульгинской степной думы входит в силу временное положение.

С 1 января 1903 г. были упразднены Урульгинская, Маньковская, Шундуинская, Оловская инородные управы. По приказу № 2 Управляющего Забайкальской областью от 29 января 1903 г. по 1 февраля 1903 г. была упразднена Кужертаевская инородная управа.

Улдургинская инородная управа упразднилась в декабре 1903 г. Согласно приказу № 84 военного губернатора Забайкальской области от 11 декабря 1903 г. к 31 декабря 1903 г. были ликвидированы все существующие степные думы, в том числе Урульгинская

(ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 38, л. 66, 130, 148). Заведование инородными волостями было возложено на крестьянских начальников (ГАЧО, ф. 20, оп. 1, д. 5553, л. 7)» [19].

Таковой была система структурного управления тунгуса князя Гантимура вплоть до 1900-х гг., когда степные думы стали расформировываться за их ненадобностью. Как пишет А. Литвинцев, в марте 1898 г. в Урульге состоялся очередной суглан (народное собрание) нерчинских тунгусов, на котором главным родоначальником и головой степной думы был избран И. Гантимуров. До этого место головы оставалось незамещенным, так как прежний родоначальник (Павел?) умер, старший брат Николай оставил урульгинское ведомство по причине своей непопулярности среди сородичей. Избранного на суглане нового князя Гантимурова генерал-губернатор несколько месяцев не утверждал, что служит доказательством предстоящего упразднения и этой должности, и самой думы. В 1900 г. Урульгинскую степную думу распустили, введя вместо нее волостное управление [20. С. 18].

Очевидно, что уже к 1900 г. намечалось упразднение степных дум и всего правления, чем и была обусловлена волокита по утверждению нового головы. Такова вкратце история Урульгинской степной думы, просуществовавшей с 1824–1825 по 1903 г. на территории, именуемой в прошлом Даурией, в настоящее время Восточным Забайкалем, Забайкальским краем.

В целом свод архивных документов фондов 10, 55, 300, посвященных тунгусам Урульгинской степной думы, можно условно подразделить на несколько основных видов делопроизводительной документации:

1) документы распорядительного характера – указы, приказы, распоряжения, наставления, инструкции, предписания. Эти документы отражают определенный круг обязанностей Урульгинской степной думы, должностных лиц – предписания о сборе податей и повинностей, предоставлении отчетности о разного рода мероприятиях (оспопрививаниях, проведении и обеспечении ревизских описей населения), утверждении должностных лиц и пр.;

2) документы отчетно-исполнительного характера – отчеты и рапорты шуленг и зайсанов по всем инородным управам степной думы. Эти отчетные документы инородных управ составлялись от имени каждого шуленги или зайсана каждого из тунгусских родов, подписывались ими и скреплялись их личной печатью. Данные отчеты и рапорты содержат сведения о количестве населения (или ясачных душ), вероисповедании, количестве экономических магазинов, мельниц, поголовье скота, его разновидностях, количестве юрт с указанием материала, из которого эти строения были выполнены (например, войлочные или деревянные), о хозяйственно-бытовой деятельности тунгусского населения, о результатах миссионерской деятельности православных священников среди тунгусов и инородцев Урульгинской степной думы, о числе буддийских лам, хуvaraков и кумирен, о количестве тунгусов, придерживавшихся «шаманской веры»;

3) ревизские описи туземного населения Урульгинской степной думы, или так называемые «ревизские сказки».

Наиболее информативными являются дела, содержащие сведения о подушном числе тунгусского населения по каждому родовому объединению, составленные переписчиками согласно указаниям по проведению и обеспечению очередной переписи населения.

Известно, что в Российской империи было проведено 10 ревизий: 1719 г., 1743 г. (или 1744–1745 гг.), 1762 г. (или 1763 г.), 1782 г., 1796 г. (или 1795 г.), 1811 г., 1816 г. (или 1815 г.), 1833 г. (или 1831 г.), 1851 г. (или 1850 г.), 1858 г. Одним из самых ранних документов по переписи туземного населения исторической Даурии, где более полно представлено число родов, является документ «Дело о переписи по Государству мужеска и женска полу людей», которое датировано 1816 г. В этом документе согласно данным о родах тунгусов записано всего 41 родовое сообщество с учетом трех так называемых «орочонских» родов [21. Л. 452, 452 об.] – Бултегерского, Эгдерельского и Чилчагирского³. Полагая, что только эти три рода можно считать этническими эвенками, судя по предварительному ознакомлению с переписанными личными именами тунгусов этих родов. Даже сами переписчики отделяли собственно орочон от тунгусов. Лист, посвященный переписи Бултегерского рода, озаглавлен «Ревизская сказка 1816-го Года февраля 17 дня Иркутской губернии Нерчинского уезда заведывания тунгусскихх родом Начальника князь 14 класса Гантимурова старшины Бакачия Мунгуепа о самом себе и о состоящих мужеска и женска пола оленных тунгусах», кочующих «по реке Олёмке, Каренге и других смежных урочищах», из чего видно, что оленных тунгусов относили к орочонам.

Третий вопрос связан с определением родового состава тунгусов Урульгинской степной думы. Этот вопрос органично связан с описанием быта, образа хозяйствования, а также описанием ясачного сбора. В этих целях следует проанализировать исторические документы, касающиеся тунгусского и инородческого населения Сибири.

Согласно фундаментальному труду Б.О. Долгих «Родоплеменной состав народов Сибири XVII в.» тунгусов Нерчинска примерное число 15 550 [11. С. 351]. Б.О. Долгих справедливо пишет о трудности определения точного числа тунгусов Нерчинска вследствие постоянного перемещения родовых объединений, переходов населения из Монголии и Китая. Об этой трудности упоминает также С.К. Патканов, справедливо отмечая то, что «после 10-й ревизии 1858–1859 гг. численность населения отдельных частей Сибири определялась, за исключением немногих частичных переписей и специальных исследований, местными статистическими комитетами, по большей части путем ежегодного прибавления к данным последней ревизии естественного прироста населения за истекшее время. Но, так как у бродячих и кочевых инородцев, в особенности у нехристиан, данные о движении населения или вовсе не собираются или отмечаются очень несовершенно, то понятно, что полученные указанным способом данные о численности отдельных групп инородцев далеко не соответствовали истинному положению дел» [22. С. 6–7].

В известном труде Г.М. Василевич приводятся данные об общем количестве всего тунгусского насе-

ления – эвенков и эвенов: «Для XVIII в. Ф. Страленберг определял численность в 70–80 тыс.; М. Кастрен в 40-х гг. XIX в. – 53 тыс., Гагемейстер в 50-х гг. 35–40 тыс., Риттих в 70-х гг. 68 тыс. Численность эвенков и эвенов по переписи 1897 г. – 62 068 человек (с поправкой – 54 500)... Бродячих (охотников) было 28 472 человека, кочевых (конных и скотоводов) – 29 737, оседлых 495, казаков (на границе) – 3 045, дворян (Гантимуровых) 319 человек» [10. С. 7]. При этом отмечается, что все эти цифры приблизительные.

Последние данные о численности эвенков как почти самых древних насельников Сибири дают следующие цифры. Считается, что самые древние обитатели Сибири – это эвены, по-другому увани. Всего в XX в. на территории Российской Федерации насчитывают 28 000 эвенков. Различают группы ороchon (оленных эвенков), конных эвенков (хамныганы). В 1651 г. тунгусы перешли в российское подданство. Число этнических эвенков неуклонно уменьшалось, от 10 829 тыс. в 1930–1938 гг. до 1 200 человек в 1989 г. [23. С. 99–100].

Г.М. Василевич отмечает за тунгусами, или эвенками, большое число названий и самоназваний. Уже этот факт свидетельствует о том, что соционим *тунгус* объединял разные этноязыковые сообщества, обитавшие на просторах Сибири: «В Забайкалье – хамныганы, солоны и онгкоры», ороchon и т.д. Многие исследователи народов Сибири отмечали этническую неоднородность тунгусов, распределяя их по разным признакам. И.Г. Георги, например, выделял по «транспортному» признаку конных, собачьих и оленных [24].

Поэтому введение в научный оборот архивных документов ГАЗК по Урульгинской степной думе позволит приблизиться к примерной цифре по наличию родовых объединений нерчинских тунгусов в целом, а также к пониманию неоднородности их этноязыкового состава.

В отношении примерной численности тунгусского населения приведем документальные данные ГАЗК о сборе ясака в ведомстве Урульгинской степной думы. Согласно архивным документам количество «ясашных тунгусов» по ревизии 1823 г. составляло 5 586, из них «поборных» (т.е. плательщиков ясака) было 4 584 души. От платежей были «освобождены 1 002 души, в числе которых состоять умерших 481 душа, престарелых и дряхлых 285, бедных и неимущих 236 душ» [25. Л. 107]. Интересно, что количество бродячих оленных ороchon – 30 душ – считается отдельно и входит только в общее число (5 616 душ). Из числа «поборных» эти 30 человек бродячих ороchon исключены.

Сбор ясака с инородческого населения Даурии был делом непростым. Для решения этой задачи власти создали особый механизм – земские суды. В «Списке из окладной книги Нерчинского земского суда» от 1828 г. изложено решение суда о том, что «с тунгусов обясаченных с 5 615 душ положено взыскать по 44 копейки сбора». С тунгусов неясачных – «с бродячих оленных тунгусов 30-ти душ 5 585 душ земской повинности по 3 рубля 52, 5 копеек с души» [26].

Сравнение этих цифр позволяет сделать вывод по поводу суммы ясака, явно обременительной и тяжелой

для оленных ороchon, которые были обязаны уплатить в 8 (!) раз больше, чем все остальное тунгусское население. Это явно не способствовало увеличению ороchon, а, возможно, наоборот, явилось причиной уменьшения их численности.

В качестве иллюстрации этого положения приведем названия ряда документов ГАЗК о розыске бродячих тунгусов, переходящих с одного ведомства в другое: дела «о розыскании бродячих тунгусов Баунтовского ведомства удалившихся в Нерчинский округ 53 душ» от 1848 г.; «Приказ о даче данных о бродячих тунгусах удалившихся в Нерчинский округ»; «Список 20 душ отошедших из Баунтовского Кондигирского рода тунгусов»; «Список отошедших из Баунтовского Чилчагирского рода тунгусов в Округ всего 33 души обложенных ясаком, отошедших в 1844 году» и т.д.

Эти перемещения «неблагодарящего» населения не могли остаться незамеченными властью, обеспокоенной прежде всего сбором ясака. Таким состоянием дел и обосновано появление Указа императора от 1828 г., который предписывал местным властям «...дабы восстановить совершенное спокойствие инородцев, нарушающееся от зловредных действий одних неблагоприятных из среды их, предлагает Губернскому Правлению предписать всем Земским судам и инородным управлениям пяти уездов Иркутской Губернии, чтоб отнюдь никто из инородцев не осмеливался искать без законных причин переводов из одного рода или ведомства в другое, и что в противном случае, если кто из них будет просить о семь, и просьбы их по точному удостоверении окажутся несправедливыми, виновные в семь, или нарушители общественного спокойствия будут подвергнуты строгому законному взысканию...» [27. Л. 132].

Политика колонизации Сибири и Дальнего Востока, переселенческая политика государства привели к тому, что тунгусам повсеместно стало все труднее и труднее не только сдавать ясачную повинность, но и искать пропитание. В поисках незанятых мест они вынуждены были уходить в северные районы Забайкалья, на территорию современной Якутии. Часть тунгусов перешла в Агинскую степную думу, часть – телембинские и «ярвенские» – в Хоринскую степную думу, растворившись среди бурят-инородцев, так как те платили ясак меньшего размера [28].

«...Появление русских в Забайкалье отразилось на тунгусах тем, что Нерчинские тунгусы ушли за Аргунь по реке Гань (кит. Гань – «река». – Р.Ж.). Вскоре примеру их последовали и часть Баргузинских тунгусов, удалившихся также за реку Аргунь. Хотя, часть тунгусов впоследствии вернулась к Нерчинску с князем Гантимуровым, но все-таки результатом передвижения было то, что к 1689 г. в Нерчинском уезде было только 788 ясачных тунгусов, живших около острогов Нерчинского, Телембинского и Еравнинского. Они разделялись на 12 родов: Баягирский, Жанжурова, Уляцкий, Дулигарский, Колтагирский, Почегорский, Луникарский, Баликагарский, Намясинский, Кучилицкий и Шунинский (в среднем по 65 человек в роду). Эти роды, насчитывавшие к 1700 г. 925 человек ясачных, и послужили основой тунгусского населения

Нерчинского края. Тунгусы не особенно признавали русское подданство и свободно уходили в Монголию» [29].

Такие разноречивые цифры о количественном составе тунгусского населения обусловлены рядом причин, среди которых следует учесть и несовершенство системы сбора и сдачи ясачной повинности, и относительно нестабильное положение власти в регионе, и сопротивление самих тунгусов поборам.

Наиболее информативным и относительно полным можно считать документ ГАЗК «Перепись инородцев Нерчинского уезда» [21. Л. 475] от 1816 г., где переписаны роды тунгусов числом в 43 родовых сообщества. Примерный подсчет ревизских душ по переписи 1816 г. позволяет определить 5 275 мужских душ и 4 406 женских душ с учетом умерших и новорожденных. Следует также оговорить, что знакомство с ревизиями некоторых родов тунгусов Гантимура дает основание предположить некорректный расчет общего числа ясачного населения: в начале «сказки» записано одно количество душ, тогда как простой подсчет переписанных людей определяет другое число, которое, как правило, меньше записанного.

Повторим, что численно-родовой состав тунгусов Гантимура установить сложно по ряду причин. К примеру, в «Энциклопедии Забайкалья: Читинская область» даются следующие сведения: «...в 1823 г. в ведомстве Урульгинской степной думы находилось 10 879 эвенков (тунгусов. – Р.Ж.); в 1831 г. в составе Урульгинской степной думы находилось шесть ино-

родческих управ (Урульгинская, Оловская, Маньковская, Шундунская (Шундуинская. – Р.Ж.), Кумертаевская (Кужертаевская. – Р.Ж.), Оногонская), которым подчинялись 37 родов с численностью 8 084 эвенка (тунгуса. – Р.Ж.) [17. С. 205].

Сведения о более раннем периоде дают более скудные цифры. «Нерчинский уезд. Тунгусов со старшинами в разных родах: в улятском 240, в почегорском 240, в увакаильском 37, в картегирском 127, в луникирском 247, в чемчагирском 104, в кузнелюйском 14, в богиагирском 91, в намяцком 141, в намясинском 44, в долоцком 18, в чякагирском 152, в сортоцком 375, в гуновском соединенном с онзенским 442, итого 2 272 души... Доронинский уезд. Тунгусов разные роды: в пачегорском 59, в луникирском 53, в шунинском 44, с ним в Боягирском 6, в Кизенском 54, в монгольском 23, в сортоцком 8, итого 249 душ мужеска пола, а женска 203 души. Стретенский уезд. Ясашные тунгусы, хотя кочуют, но платежом состоят в других уездах Нерчинской области» (Описание Иркутского наместничества 1792 г. – С. 116, 123, 141) [30. С. 105].

Более подробные сведения можно почерпнуть из документов ГАЗК. Так, в архивном документе «О собранном ясаке с урульгинского цуглана... за 1790 годъ с родовъ» записаны суммы ясачного сбора с тунгусского населения по родам [31. Л. 31–43] (табл. 1).

Документ более раннего года – 1785 – содержит перечисление тунгусских родов с указанием числа «душ ясачных и количество уплаченного ясака» [31], текст и данные которого приведены в табл. 2.

Таблица 1

Бурятские роды Урульгинского цуглана в 1790 г.*

№	Название рода Тунгусы родов	Сумма ясака повинность
За 1790 годъ		
1	улятского	110 рублей
2	почегорского	51 рубль
3	вакаильского	21 рубль
4	келтегирского	27 рублей
5	1 луникирского	88 рублей
6	Чимчагирского	33 рубля
7	1 баягирского	56 рублей 76 копеек
9	намяцкого	30 рублей
10	долоцкого	10 рублей
11	челкагирского	125 рублей 50,5 копеек
12	сартоцкого	188 рублей
13	гуновского	185 рублей
14	тукчинского	126 рублей
15	узонского	462 рубля
За 1789 годъ		
1	1 луникирского	12 рублей
2	1 сартоцкого	6 рублей
3	гуновского	4 рубля 70 копеек
	итого	1548 рублей 51,5 копеек
Дороненского округу теленбинских родовъ за 1790 годъ		
1	шуняинского	15 рублей
2	почегорского	23 рубля
3	луникирского	24 рубля
4	мунгальского	29 рублей
5	казайского	15 рублей
6	сартоцкого	3 рубля
Баргузинского округа яравнинских родовъ за 1790 годъ		
1	почегорского	30 рублей
2	баликагирского	51 рубль

Окончание табл. 1

№	Название рода	Сумма ясака
	Тунгусы родов	повинность
3	тавангутского	48 рублей
	итого	129 рублей
Баргузинского округа курлыченского цуглана		
1	желтоцкого роду за 1787 годъ	24 рубля
2	желтоцкого роду за 1785 годъ	24 рубля
3	желтоцкого роду за 1790 годъ	15 рублей
	итого	87 рублей
	А всего со всех родов	1873 рубля 51,5 копейек в том числе медною монетою тыщечка 38 рублей 51,5 коп.
	Секлетарь Сава Асламовъ	

* Орфография источника сохранена.

Таблица 2

Бурятские роды в 1785 г.*

№	Название рода	Сумма ясака
За 1785 годъ		
Нерчинской округи урулгинского шунгуд (зургана? – неразборчиво. – Р.Ж.)		
тунгусы		Число душ по прежней переписи
		Рубли и копейекъ
1	Улятского роду	140 д.
2	Почегорского роду	278
3	уванаимского роду	42 д.
4	келтегирского роду	138 д.
5	1-го никигирского роду	304 д.
6	Чемчагирского роду	97 д.
7	кушелюцкого роду	14 д.
8	1-го баягирского роду	87 д.
9	намяцкого роду	184 д.
10	намясинского роду	103 д.
11	Долоцкого роду	16 д.
12	чемагирского роду	139 д.
13	1-го Сортоульского роду	240 д.
14	Гуноевского и Тукчинского	258 д.
15	узонский	358 д.

* Орфография источника сохранена.

Подсчет душ, по-видимому, только ясачных мужского пола тунгусского населения, по данным 1785 г., сводится к цифре 2 398 душ. Любопытно отметить наличие «уванаймского» рода, который, полагаем, и является родом этнических эвенов, так как название может быть испорченным именованием апеллятивного «эвен» или «эвены». Встречаются такие именованья эвенков, как «овоньки», в этнографических сведениях как искажённые русским языком при устном восприятии самоназвания эвенков.

В этом документе перечислены и другие роды тунгусов – Келтегирского рода бывшего Урульгинского суглана и 10 родов Курлыченского суглана: Дуликагирского нерчинского, 1-го Баягирского аргунского, Чепченботского, 2-го Дулигарского Аргунского, Дулигарского, 2-го Балягирского Нерчинского, Намясинского, Конурского и Долотского [32. Л. 162]. Всего родов по этому документу 25.

Одним из ранних документов от 1793 г. за подписью Гантимурова Николая, действительного статского

советника и кавалера, в «Книге записи смотрителей экономических магазинов о расходовании хлеба» представлены списки родов, которых уже 38 (табл. 3).

Здесь же приписано, что «под названием Сухановой слободы новокрещенных тунгусов – 354 души, из которых 51 не платят ясак. В Нероновском селении – 110 душ. Из их числа платящих ясак и сколько приняло последнее крещение по причине недавно над ними [свершившегося] моему начальство сведения еще не имею» [33].

В другом документе с более ранней датировкой, в «Ведомости о сборе ясака и недоимок, прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому начальнику князю Гантимурову» от 1791 г., приведены цифры платежей ясака в денежном эквиваленте и, главное, названия родов (табл. 4).

За 1791 г. записано 29 родов тунгусов. В другом документе – от 1823 г. – в «Ведомости, учиненной при Урульгинском тунгусском зургане⁴ о числе людей обоего пола» дан более полный список родов из 37 единиц (табл. 5).

Таблица 3

Бурятские роды в 1793 г.*

№	Урульгинского суглану	Платящих ясак	Не платящих ясак	Итого	Из числа оных крещеных
1	Уляцком	54	144	198	138
2	Почегорском	54	87	141	51
3	Вакасильском	24	34	58	4
4	Кельтегирском	25	63	88	61

Окончание табл. 3

№	Урулгинского суглану	Платящих ясак	Не платящих ясак	Итого	Из числа оных крещеных
5	Луникирском	89	153	242	14
6	Чимчагирском	34	48	82	33
7	Кунцелицком	6	3	9	4
8	1 Баликагирском	21	48	69	13
9	Намятском	28	82	110	8
10	Намясинском	12	25	37	14
11	Долоцком	9	9	18	3
12	Челкагирском	46	92	138	10
13	Перво Сартоцком	165	227	392	72
14	Гуновском	92	99	191	22
15	Тупчинском	82	86	168	7
16	Мунгальском	13	17	30	14
17	Узонском	177	252	429	68
18	Желтоцком	8	9	17	—
	Яравинскихъ				
19	3 Почегорском	14	32	46	2
20	3 Шунинском	1	5	6	—
21	Второ Баягирском	18	25	43	2
22	Тавангутском	15	28	73	—
	Теленбинскихъ				
23	Второ Почегорском	18	17	35	—
24	Луникирском	18	23	41	2
25	Шунинском	9	13	22	2
26	Казейском	6	5	11	—
27	Мунгальском	18	20	38	—
28	Второ Сартоцком	2	—	2	—
	Курлыченского суглану				
29	1 Дулигарском	126	264	390	199
30	1 Баягирском	26	84	110	17
31	Чипчинотском	30	96	126	42
32	3 Дулигарском	57	143	200	39
33	Дуларском	25	45	70	30
34	Второ Баягирском	102	209	311	136
35	Намятском	54	146	200	85
36	Конурском	28	66	94	5
37	Долотском	18	31	49	—
38	Дулигарский	не платит ясак по грамотству	63	63	63

* Орфография источника сохранена.

Таблица 4

Сбор ясака и недоимок с эвенков в 1891 г.*

О собранном ясаке с Урулгинского суглана за 1790 г. с родовъ:		Рублей и копеек	За 1789 г.	Рублей и копеек	За 1785 г., 1787 г.	Рублей и копеек
1	Улятский	110 р.	1 Луникирский	12 руб.	Баргузинского округа курлыченского суглана	
2	Почегорский	51 руб.	1 Сартцкий	6 руб.		
3	Вакасильский	21 руб.	Гуновский	4 руб. 70 к.		
4	Келтегирский	27 руб.				
5	1 Луникирский	88 руб.	Теленбинских родов за 1790 г.		Желтоцкий	24 руб.
6	Чимчагирский	33			Дулигарский	15 руб.
7	1 Баягирский	56 р. 76 коп.	Шунинский	15 руб.		
8	Намятский	30 руб.	Почегорский	23 руб.		
9	Долоцкий	10 руб.	Луникирский	24 руб.		
10	Челкагирский	125 руб. 50,5 коп.	Мунгальский	29 руб.		
			Казейский	15 руб.		
11	Сартцкий	18 руб.	Сартцкий	3 руб.		
12	Гуновский	185 р.	Дулигарский	15 руб.		
13	Тукчинский	126 р.				
14	Узонский	426 р.				
	Баргузинского округа яравинских родов					
15	Почегорский	30 руб.				
16	Баликагирский	51 руб.				
17	Тавангутский	4 руб.				

Всего со всех родов собрано 1 873 рубля 51,5 коп., в том числе медною монетою 1 038 рублей 51,5 коп.

* Орфография источника сохранена.

Таблица 5

Численность бурятских родов в 1823 г.*

Звания родов		Мужского пола	Женского пола	Итого
1	Улятский род селений Шундуинского и Шивиинского	291	262	553
2	Почегорский	238	192	430
3	Вакаильский	69	50	119
4	Кельтегирский	117	89	206
5	Челкагирский	187	175	362
6	Желтоцкий	27	26	55
7	Сартоцкий	468	495	963
8	Гуновский	231	196	427
9	Мунгальский	54	42	96
10	Тукчинский	206	169	375
11	Луникирский	253	281	534
12	Чимчагирский	61	62	123
13	Концелютский	18	20	38
14	Нататском намясинском и долотском	259	191	444
15	Баликагирский	80	78	158
16	Узонский	559	561	1120
Телембинских родов				
17	Почегорский	121	118	239
18	Луникирский			
19	Шунинский			
20	Казейский			
21	Сартоцкий			
Яравинских (Еравнинских. – Р.Ж.) родов				
22	З-Почегорский	93	85	178
23	З-Шунинский			
24	Баликагирский			
25	Тавангутский			
26	Гучитский	42	39	81
27	Первудулигарский	671	528	1202
28	Конурский	114	116	230
29	Первобаягирский	125	89	214
30	Чипчинутский	161	165	326
31	Второбаягирский	461	360	821
32	Втородулигарский	171	164	335
33	Намятский	258	204	462
34	Дуларский	94	79	173
35	Долотский	41	26	67
36	Князе-Дулигатский	92	87	179
37	Оленные тунгусы	25	25	50

* Орфография источника сохранена.

При подсчете оказалось мужского населения 5 584 человек, женского – 4 976 человек. Всего населения 37 родов нерчинских тунгусов по данным 1823 г., согласно табл. 5, – 10 560 человек.

В попытках определения численно-родового состава тунгусов Гантимура обратимся к анализу другого документа, где находим перечисление родов тунгусов, число которых составляет уже 39 родов. Такое увеличение численности родовых объединений тунгусов обусловлено в первую очередь их кочевым образом жизни, позволяющим им передвигаться по территориям Восточной Сибири, что затрудняло их опись, особенно в разное время года.

Во-вторых, следует учесть естественное деление на подродовые объединения, когда появляются 1-й Дулигатский или 2-й Баягирский, что также служило поводом для разного рода путаницы при ревизии.

Основной целью степной думы являлись, естественно, сбор и отправка ясачных поборов с тунгусского и инородческого населения. Этой основной деятельности думы новой администрацией уделялось большое внимание. Архивные дела состоят из рапор-

тов, в которых приведены отчеты о сборе ясачной повинности с тунгусов.

В документе «Указы императора. Ведомости о сборе ясака и недоимок, прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому начальнику князю Гантимуру» находим: «Рапорт от июля 2 дня 1791 года от сына боярского Якова Шемелина. Рапорт. Приказь вашъ от 21 июня № 121 коим предписывать мне равно и сыну боярскому Ивану Пыхалову о приложении старания в зборе ясака ко протчемъ мною сего дня июня 30 числа получено, по которому в повеленной силе исполнение учинено быть имеет непременно а что потому окажется... (неразборчиво. – Р.Ж.) касательно баргузинского округа разных родовъ старшинами на курлыченскомъ цуглане сначала 1791 года заплачено ясака ведомства выше вышеописанных родовъ» [34. Л. 302] (табл. 6).

Из текста данного архивного документа, представляющего собой отчет в виде рапорта о суммах собранного стараниями Якова Шемелина, можно сделать вывод, что существовало несколько родов с одним и тем же именованием. Естественный прирост тунгусского

населения заставлял, по-видимому, сборщиков ясачной повинности делить родовые объединения на под-

роды и именовать последние как первобаягирский или втородулигарский.

Таблица 6

Сбор ясака и недоимок с эвенков в 1789-1790 гг.*

№	Название рода	Сумма ясака
За 1790 годъ		
1	перводукигарскихъ	242 рубля
2	первобаягирскихъ	109 рублей
3	второбаягирскихъ	188 рублей
4	втородукигарскихъ	126 рублей
5	намятскихъ	123 рубля
6	чипчинютскихъ	66 рублей
7	дуларскихъ	55 рублей
9	конурскихъ	51 рубль
10	долотцких	9 рублей
За 1789 годъ		
1	первобаягирскихъ	2,50 рублей
	итого	971 рубль 50 копеекъ

* Орфография источника сохранена.

К тому же следует учитывать и кочевой образ жизни некоторых родов тунгусов, что само по себе исключало точность учета народонаселения. Периодически проводимые ревизии населения Российской империи имели одной из задач учет ясачных душ. Сборщики сталкивались, по-видимому, и с такой проблемой, как часто случавшиеся переходы из одного рода в другой.

В архивных фондах имеются дела по «розыску» тунгусов, которые уходили из одного ведомства в другое в поисках лучшей доли. Тунгусы обычно из Баунтовского ведомства «удалялись» в Нерчинский округ. Этим тунгусов надлежало разыскать и обложить податью. Прочие архивные документы также позволяют предполагать о постоянных перемещениях тунгусского и инородческого населения.

В архивных документах ГАЗК встречаются документы «о постройке зимовий на землях по речкам Када, Олов, Курлыча по устью пади Куэнга государственным пашенным крестьянам», согласно Указу «Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Нерчинской Воеводской канцелярии от 29 сентября 1750 года» [35. Л. 5]. В итоге появились документы, в которых тунгусы пытались не дать захватить свои «породные» земли, по которым они привыкли перемещаться в разные времена года.

Бурят-инородцев также всячески притесняли. Так, в деле № 180 от 1881 г. имеется «Распоряжение Военного Губернатора Забайкальской области от 11 августа 1881 г. о срочном принятии мер по поводу немедленного выселения инородцев на выделенные им земли, не принимая от них никаких оговорок, с поймы реки Кручина» [36].

Подаются «челобитные» в управы о земельных спорах и войнах между тунгусами и государственными крестьянами. «Жалоба жителей (взаимно) Дылюнской и Кокуйского друг на друга о том, что они выкашивают пади Ширакундуй и продают сено казакам Богомяховской станицы» [37]. Также следует учитывать и политический климат соседней Монголии, где в результате междоусобных войн многие монголоязычные племена переселялись на территорию Восточного Забайкалья, тесня слабо вооруженных и голых пограничных тунгусов Гантимура.

Таким образом, обзор и сопоставление числа родов тунгусов Урульгинской степной думы разных лет – 1785, 1790, 1791, 1793, 1823 гг. – обнаруживают наличие основных родов тунгусского населения Нерчинска. Это родовые объединения, которые имели несколько подродов: Баягирский, Дулигарский / Дулигатский, Дуларский, Долотский / Долоцкий, Сартоцкий, а также так называемые телембинские и «яравинские» тунгусские роды Лунигерский, Почегорский, Шунинский, записанные как 1-Шунинский или 3-е Почегорский. При этом некоторые роды записаны единично: Балакагирский, Гучитский, Гуновский, Вакаильский / Вакаройский, Казейский, Концелютский / Кушелютский, Кельтегирский, Мунгальский, Узонский / Узоновский, Улятский, Тавангутский, Челкагирский, Чимчагирский, Чипчинютский. При этом следует учесть и то, что родовые названия еравнинских и телембинских родов тунгусов представляют собой подроды от основных – Почегорского, Лунигерского, Сартоцкого и Шунинского, увеличивая, таким образом, общее число переписанных родов.

Такие разноречивые данные о количественном и родовом составе тунгусского населения обусловлены рядом причин, среди которых следует учесть и несовершенство системы сбора и сдачи ясачной повинности, и относительно нестабильное положение власти в регионе, и сопротивление самих тунгусов поборам. Кочевой образ жизни тунгусов Урульгинской степной думы, включая и оленных ороchon, и конных тунгусов, а также сезонные передвижения самих тунгусов по подобию инородцев-бурят, имевших определенные пастбищные места в разные времена года (зимники, весenniки, летники и осенники), не позволявшие переписчикам отследить истинное число родов и их ответвлений, о чём и писали Б.О. Долгих, С. Патканов и другие исследователи, явились основными причинами сложности учета населения.

Однако краткий обзор архивных документов позволяет сделать вывод не только о неоднозначности тунгусов Гантимура, традиционно описываемых как только тунгусо-маньчжуроязычные племена эвенков и эвенов, но и выявить сложность конкретного определения родового состава Урульгинской степной думы.

Очевидно наличие разного типа хозяйствования у тунгусов Нерчинска, обусловленного разным образом жизни – «оседлым, кочевым и бродячим», как и разно-

го этноязыкового начала, обусловленного историческими фактами неоднородности данного «исчезнувшего» народа – тунгусов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В архивных документах тунгусы Урульгинской степной думы записаны специалистами ГАЗК как эвенки.

² Номера фондов, описей и дел, указанные в документе, являются ссылками автора Предисловия и отсутствуют в литературе данной статьи.

³ В других делах фонда 55 не встречается упоминания этих трех родов ороchon. По-видимому, эти родовые сообщества этнических эвенков оказались переписанными «случайно».

⁴ Зурган, или суглан (от бур. суглаан – «собрание, сход»), – место общего сбора тунгусского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. 2-е изд. доп. М. : ИНИОН РАН, 2006. 172 с.
2. Жамсаранова Р.Г., Шулунова Л.В. Топонимия Восточного Забайкалья. Чита, 2003. 128 с.
3. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М. : Наука, 1985. 284 с.
4. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Иркутск : КрайГИЗ, 1932. Т. 1. 368 с.
5. Балабанов В.Ф. История земли Даурской. Чита : Эффект, 2003. 400 с.
6. Магидович В.И., Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. Эпоха великих открытий. Курск : Центрполиграф, 2003. 639 с.
7. Цыбенков Б.Д. История и культура дауров Китая : историко-этнографические очерки. Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2012. 252 с.
8. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 55. Оп. 2. Д. 48. (388 л.). Дело о земельных спорах между эвенками и русскими крестьянами. Материалы о перечислении эвенков в крестьян. Именной список дворян Гантимуровых. Материалы о розыске родившихся и умерших. Материалы о розыске бежавших каторжан, ссыльнопоселенцев, вещей. 1850–1852 годы.
9. Свод законов Российской империи, дополненный по приложениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 гг. СПб, 1913. Кн. 1, т. I–IV.
10. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX вв.). Л. : Наука, 1969. 304 с.
11. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 622 с.
12. Туголуков В.А. Конные тунгусы (этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 78–110.
13. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ : Ин-т обществ. наук БФ СО АН СССР, 1972. 662 с.
14. Дамдинов Д.Г. Языковая принадлежность хамниган // Забайкалье. 2002. № 4. С. 44–45.
15. Жамсаранова Р.Г. Этноязыковая принадлежность топонима «забайкальский хамниган» // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 2 (53). С. 155–161.
16. Жамсаранова Р.Г. Экзонимно-этнонимные названия самоед и хамниган // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. Вып. № 3(21). С. 87–96.
17. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область : в 2 т. / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2000. Т. 1: Общий очерк. 302 с.
18. История Баргузинской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903 гг.) : сб. и перечень документов / сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курае; науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск : Оттиск, 2012. 351 с.
19. ГАЗК. Ф. 55. Предисловие к описи фонда 55 «Урульгинская степная дума».
20. Литвинцев А. Сельские хроники. Урульга. // Земля. 2013. № 49. С. 18.
21. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1/5. Д. 17513. (475 л.). Общерапорядительный отдел. Перепись инородцев Нерчинского уезда. Ревизские сказки тунгусов Нерчинского уезда Иркутской губернии. 1816 год.
22. Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Книга по требованию, 2011. 216 с.
23. Янков А.Г. Эвенки Урульгинской степной думы // Молодая археология и этнология Сибири XXXIX РАЭС. Чита : ЗГПУ, 1999. Ч. 21. С. 99–100.
24. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей / предисл. и примеч. В.А. Дмитриева. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Русская симфония, 2007. 818 с.
25. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. (1107 л.). Кужертаевская. Налоговые документы. Сведения о родившихся и умерших. Материалы об избрании заседателей в Думу. Ведомости об оспопрививании, состоянии хлебозапасных магазинов, взыскание долгов. Материалы по уголовным преступлениям.
26. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 3. Д. 9. (64 л.). Урульгинская Степная дума. Перечневая ведомость о количестве земель, жителей, сборе повинностей, промыслов. Книга входящих и исходящих бумаг. Списки инородцев. 1828–1831 гг.
27. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 56. (337 л.). Перепись 9-я народная. Документы о принятии эвенками христианства. Списки деревень по инородным управам с количеством жителей, скота, десятин земли и другие сведения для военно-статистического описания Нерчинского округа; ведомства о числе жителей в селениях Урульгинского ведомства по 9 народной переписи, материалы о принятии христианства эвенками.
28. ГАЗК. Ф. 284. Оп. 1. Д. 37. (98 л.). О причислении и исключении по распоряжению начальства инородцев по Агинскому ведомству в течение 1886 года.
29. ГАЗК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 27. (144 л.). Материалы по изучению населения Забайкалья после Нерчинского договора. 1689–1725 годы.
30. Константинов А.В. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита : АНО ЦНОП ЗабГПУ, 2002. 248 с.
31. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 4. Д. 47. (598 л.). Указы императора. Ведомости о сборе ясака и недоимок, прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому начальнику князю Гантимурову.
32. ГАЗК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 4. (431 л.). Рапорты шуленг и зайсанов о принятии христианства эвенками. Материалы об уплате ясака. Ведомости родившихся и умерших. Список шуленг и зайсанов. 1786 год.
33. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 4. Д. 48. (692 л.). Нерчинское горное правление. Книга записи смотрителей экономических магазинов и расходов хлеба. Сведения о количестве хлеба и скота по Урульгинскому ведомству. Списки жителей Урульгинской степной думы.
34. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 4. Д. 47. (598 л.). Указы императора. Ведомости о сборе ясака и недоимок, прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому начальнику князю Гантимурову.
35. ГАЗК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1. (11 л.). Сведения о выборе сугланного места, материалы по земельным спорам между русскими и эвенками. 1752–1779 гг.

36. ГАЗК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 180. (2 л.). Предписание Военного губернатора Забайкальской области о выселении инородцев в предназначенные для них места. 1881 год.
37. ГАЗК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 224. (19 л.). Документ о решении спорных земельных вопросов между казаками и инородцами деревни Бургенской и улуса Сахалтуевского. Жалобы жителей (взаимно) Дылонской и Кокуйского друг на друга о выкашивании падей.

Raisa G. Zhamsaranova, Zabaykalsky State University (Chita, Russian Federation). E-mail: rebecca_zab@mail.ru

TRIBAL COMPLEMENT OF TUNGUS OF URUL'GA STEPPE DUMA

Keywords: Urul'ga Steppe Duma, the Tungus of Gantimur, "wandering Tungus", "nomadic and settled Tungus", the number of Tungus tribes.

The article is devoted to the interpretation of some issues. It's well-known that to the census of 1926 almost all Tungus population of the Nerchinsk Uezd suddenly "disappeared". The history of the Urul'ga Steppe Duma as an administrative board is not properly described in Russian and foreign science. It turned out to investigate this disappeared population through the interpretation and description of these archival documents of State Archive of Transbaikalia. Scientific introduction of the archival documents revealed fully unexplored for science the following questions. Firstly, to determine the preliminary ethnic and linguistic origin of the Nerchinsk Tungus in past. Secondly, to describe the facts on the history of Urul'ga Steppe Duma as the board of administration by the Tungus population of the Nerchinsk Uezd. Thirdly, to determine the tribal complement of Tungus of Urul'ga Steppe Duma.

The article is written on the basis of the analysis of the essence of 15 archival documents of the State Archive of Transbaikalia, funds № 10, 29, 31, 55, 239, 284, 300, the documents of which describe different aspects of every-day life and of simple commodity economy of Tungus of Gantimur. Some documents dated by 1689-1725, 1786 years. Special attention is devoted to those where the tribal names of Tungus of the Urul'ga Steppe Duma are presented. The full number of the quoted sources apart from the archive sources is of 19 subjects, including works by Alexeyev M.P., Vasilevich G.M., Georgi I.G., Dolgykh B.O., Patkanov S.K., Tugolukov V.A., devoted to the description of number and generic complement of Tungus of Siberia and partly of the Nerchinsk Uezd.

The first part of the article compiles the historical issues, which can prove the ethnic and genetic connection of Tungus people of Nerchinsk with the Mongol-speaking Dauren. They are connected by "Manzhu letter", shaman and penetrated "lamaizm" as appointed believers. The second part describes the history of Urul'ga Steppe Duma with the detailed analysis of the archival documents. The third part is devoted to the attempt to establish the approximate number of Tungus tribes and their ethnic and linguistic origin. It turned out that all Tungus population of Urul'ga led by kn'yaz' Gantimur is of different origin as well in ethnic and linguistic relation, because they were divided into "wandering Tungus". These Tungus were, in our opinion, those the few tribes of the Evenks, who wander with their 30 deer's and were registered by accident to Urul'ga. The greater part of the tribes was "settled" ones, who like Dauren were grain farmers, cattle-breeders and hunters. "Nomadic" Tungus distinguished themselves by instability of location, having the habit of free motion to go to near-by Man'chzhu and Mongolia. "Riding" Tungus of Tukchinskiy, Uzonovskiy and Gunovskiy tribes were connected with khamnigan.

The analysis of the documents dealing with description of the tribes of different years and censuses in Russia, gives the approximate number of taxpayer Tungus of Nerchinsk. It was important to establish the number of these Tungus tribes, because of their decrease. At last, to the first part of the 20th century they disappear with the Urul'ga Steppe duma. The number of their tribes decreased from 43 to 34, then to 25, constantly disappearing from censuses of the last years of the 20th century.

REFERENCES

1. Uvarova, T.B. (2006) *Nerchinskские evenki v XVIII–XX vekakh* [Nerchinsk Evenks in the 18th – 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: INION RAS.
2. Zhamsaranova, R.G. & Shulunova, L.V. (2003) *Toponimiya Vostochnogo Zabaykal'ya* [Toponymy of Eastern Transbaikalia]. Chita: Transbaikalia State Pedagogical University.
3. Tugolukov, V.A. (1985) *Tungusy (evenki i eveny) Sredney i Zapadnoy Sibiri* [Tunguses (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia]. Moscow: Nauka.
4. Alekseev, M.P. (1932) *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i pisateley XIII–XVII vv.* [Siberia in the news of Western European travelers and writers of the 13th – 17th centuries]. Vol. 1. Irkutsk: KrayGIZ.
5. Balabanov, V.F. (2003) *Istoriya zemli Daur'skoy* [History of the Daurian Land]. Chita: Effekt.
6. Magidovich, V.I. & Magidovich, I.P. (2003) *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy. Epokha velikikh otkrytiy* [Essays on the history of geographical discoveries. The era of great discoveries]. Kursk: Tsentrpoligraf.
7. Tsybenov, B.D. (2012) *Istoriya i kul'tura daurov Kitaya: istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of the Daurians of China: historical and ethnographic essays]. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management.
8. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 55. List 2. File 48. *Delo o zemel'nykh sporakh mezhdru evenkami i russkimi krest'yanami. Materialy o perechislenii evenkov v krest'yan. Imennoy spisok dvoryan Gantimurovnykh. Materialy o rozyske rodivshikhsya i umershikh. Materialy o rozyske bezhavshikh katorzhan, ssyl'noposelentsev, veshchey. 1850–1852 gody* [The case of land disputes between Evenks and Russian peasants. Materials about the transfer of Evenks to peasants. Name list of noblemen Gantimurovs. Materials about the search for those born and the dead. Materials about the search for escaped convicts, exiled settlers, things. 1850–1852].
9. Russia. (1913) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii, dopolnennyy po prilozheniyam 1906, 1908, 1909 i 1910 gg. i pozdneyshim uzakoneniym 1911 i 1912 gg.* [The Code of Laws of the Russian Empire, supplemented by applications of 1906, 1908, 1909 and 1910. and the later legalizations of 1911 and 1912]. Vol. 1 (1–4). St. Petersburg: [s.n.].
10. Vasilevich, G.M. (1969) *Evenki. Istoriiko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nach. XX vv.)* [Evenki. Historical and ethnographic essays (18th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
11. Dolgikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII veke* [The clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century]. Moscow: USSR AS.
12. Tugolukov, V.A. (1975) *Konnye tungusy (etnicheskaya istoriya i etnogenez)* [Horse Tungus (ethnic history and ethnogenesis)]. In: Gurvich, I.S. (ed.) *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the North]. Moscow: Nauka. pp. 78–110.
13. Tsydendambaev, Ts.B. (1972) *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye (istoriko-lingvisticheskoe issledovanie)* [Buryat historical chronicles and genealogies (historical and linguistic research)]. Ulan-Ude: SB RAS.
14. Damdinov, D.G. (2002) *Yazykovaya prinalozhnost' khamnigan* [Language affiliation of the Khamnigans]. *Zabaykal'e*. 4. pp. 44–45.
15. Zhamsaranova, R.G. (2009) Ethnolinguistic attribute of genonym Trans-Baikal Khamnigan. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(53). pp. 155–161.
16. Zhamsaranova, R.G. (2018) Onyms Khamnigan and Samoyed as alloethnonym and ethnonyms. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3(21). pp. 87–96. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6119-2018-3-87-96

17. Geniatulin, R.F. (ed.) (2000) *Entsiklopediya Zabaykal'ya. Chitinskaya oblast'* [Encyclopedia of Transbaikalia. Chita region]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka.
18. Zhalsanova, B.Ts. & Kuras, L.V. (2012) *Istoriya Barguzinskoy stepnoy dумы v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya (1824–1903 gg.)* [History of the Barguzin Steppe Duma in the documents of the State Archives of the Republic of Buryatia (1824–1903)]. Irkutsk: Ottisk.
19. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 55.
20. Litvintsev, A. (2013) *Sel'skie khroniki. Urul'ga* [Rural chronicles. Urulga]. *Zemlya*. 49. p. 18.
21. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 1. List 1/5. File 17513. *Obshcherasporyaditel'nyy otdel. Perepis' inorodtsev Nerchinskogo uyezda. Revizskie skazki tungusov Nerchinskogo uyezda Irkutskoy gubernii. 1816 god* [General administrative department. Census of foreigners of the Nerchinsk district. Revision tales of the Tungus of the Nerchinsky district of the Irkutsk province. 1816].
22. Patkanov, S. (2011) *O priroste inorodcheskogo naseleniya Sibiri. Statisticheskie materialy dlya osveshcheniya voprosa o vymiraniy pervobytnykh plemen* [About the growth of the alien population of Siberia. Statistical materials to cover the issue of the extinction of primitive tribes]. Book on demand.
23. Yankov, A.G. (1999) *Evenki Urul'ginskoy stepnoy dумы* [Evenks of the Urulginsky Steppe Duma]. *Molodaya arkhologiya i etnologiya Sibiri* [Young archeology and ethnology of Siberia]. Proc. of the XXXIX RAESK. Chita: Trans-Baikalian State Pedagogical University. pp. 99–100.
24. Georgi, I.G. (2007) *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostoprimechatel'nostey* [Description of all the peoples living in the Russian state: their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, fun, religions and other attractions]. 2nd ed. St. Petersburg: Russkaya simfoniya.
25. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 55. List 2. File 4. *Kuzhertaevskaya. Nalogovye dokumenty. Svedeniya o rodivshikhsya i umershikh. Materialy ob izbranii zasedateley v Dumu. Vedomosti ob ospoprivivaniy, sostoyanii khlebozapasnykh magazinov, vyzskanie dolgov. Materialy po ugovornym prestupleniyam* [Kuzhertaevskaya. Tax documents. Information about the born and the dead. Materials on the election of assessors to the Duma. Vaccination records, condition of bakery stores, debt collection. Materials on criminal offenses].
26. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 55. List 3. File 9. *Urul'ginskaya Stepnaya дума. Perechnevaya vedomost' o kolichestve zemel', zhiteley, sbore povinnostey, promyslov. Kniga vkhodyashchikh i iskhodyashchikh bumag. Spiski inorodtsev. 1828–1831 gg.* [Urulginskaya Steppe Duma. A checklist of the number of lands, inhabitants, collection of duties, crafts. Book of incoming and outgoing papers. Lists of non-Russians. 1828–1831].
27. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 55. List 2. File 56. *Perepis' 9-ya narodnaya. Dokumenty o prinyatii evenkami khristianstva. Spiski dereven' po inorodnym upravam s kolichestvom zhiteley, skota, desyatiny zemli i drugie svedeniya dlya voenno-statisticheskogo opisaniya Nerchinskogo okruga; vedomstva o chisle zhiteley v seleniyakh Urul'ginskogo vedomstva po 9 narodnoy perepisi, materialy o prinyatii khristianstva evenkami* [The 9th national census. Documents on the adoption of Christianity by the Evenks. Lists of villages by foreign governments with the number of inhabitants, livestock, tithes of land and other information for the military-statistical description of the Nerchinsk district; departments on the number of inhabitants in the villages of the Urulginsky department according to the 9th national census, materials on the adoption of Christianity by the Evenks].
28. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 284. List 1. File 37. *O prichislenii i isklyuchenii po rasporyazheniyu nachal'stva inorodtsev po Aginskomu vedomstvu v techenie 1886 goda* [About reckoning and exclusion by order of the heads of foreigners in the Aginsk department during 1886].
29. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 239. List 1. File 27. *Materialy po izucheniyu naseleniya Zabaykal'ya posle Nerchinskogo dogovora. 1689–1725 gody* [Materials for the study of the population of Transbaikalia after the Treaty of Nerchinsk. 1689–1725].
30. Konstantinov, A.V. (2002) *Istoriya Zabaykal'ya (s drevneyshikh vremen do 1917 goda)* [The history of Transbaikalia (from ancient times to 1917)]. Chita: Trans-Baikalian State Pedagogical University.
31. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 31. List 4. File 47. *Ukazy imperatora. Vedomosti o sbore yasaka i nedoimok, prosheniya tungusov po razlichnym voprosam tungusskomu nachal'niku knyazyu Gantimurovu* [Decrees of the emperor. Reports on the collection of yasak and arrears, petitions of the Tungus on various issues to the Tungus chief, Prince Gantimurov].
32. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 300. List 1. File 4. *Raporty shuleng i zaysanov o prinyatii khristianstva evenkami. Materialy ob uplate yasaka. Vedomosti rodivshikhsya i umershikh. Spisok shuleng i zaysanov. 1786 god* [Shuleng and Zaisan reports about the adoption of Christianity by the Evenks. Materials about the payment of yasak. Sheets of births and deaths. List of Shulengs and Zaisans. 1786].
33. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 31. List 4. File 48. *Nerchinskoe gornoe pravlenie. Kniga zapisi smotriteley ekonomicheskikh magazinov i raskhodov khleba. Svedeniya o kolichestve khleba i skota po Urul'ginskomu vedomstvu. Spiski zhiteley Urul'ginskoy stepnoy dумы* [Nerchinsk mining board. Book of records of caretakers of economic stores and bread expenses. Information about the amount of grain and livestock in the Urulga department. Lists of the inhabitants of the Urulginskaya steppe дума].
34. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 31. List 4. File 47. *Ukazy imperatora. Vedomosti o sbore yasaka i nedoimok, prosheniya tungusov po razlichnym voprosam tungusskomu nachal'niku knyazyu Gantimurovu* [Emperor's decrees. Reports on the collection of yasak and arrears, petitions of the Tungus on various issues to the Tungus chief, Prince Gantimurov].
35. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 300. List 1. File 1. *Svedeniya o vybere suglannogo mesta, materialy po zemel'nykh sporam mezhdru russkimi i evenkami. 1752–1779 gg.* [Information about the choice of a suglan place, materials on land disputes between Russians and Evenks. 1752–1779].
36. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 29. List 1. File 180. *Predpisanie Voennogo gubernatora Zabaykal'skoy oblasti o vyselenii inorodtsev v prednaznachennyye dlya nikh mesta. 1881 god* [Instruction of the Military Governor of the Trans-Baikal Region on the eviction of foreigners to the places designated for them. 1881].
37. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 29. List 1. File 224. *Dokument o reshenii spornykh zemel'nykh voprosov mezhdru kazakami i inorodtsami derevni Burgenskoy i ulusa Sakhaltuevskogo. Zhaloby zhiteley (vzaimno) Dilyunskoy i Kokuyskogo drug na druga o vykashivaniy padey* [A document on the solution of controversial land issues between the Cossacks and foreigners of the village of Burgenskaya and the Sakhaltuevsky ulus. Complaints of residents (mutual) of Dilyunskaya and Kokuysky to each other about mowing paddy].